

И Питер, и Гвен отправились домой, чтобы нанести последний визит: мелкие вещи, забытые, слишком личные или слишком деликатные, нужно было забрать, и Питер хотел увидеть тетю Мэй, в то время как Гвен должна была сказать слова своему отцу.

"Тетя Мэй, я вернулся", - Питер в последний раз оглядел квартиру и направился на маленькую кухню, где тетя Мэй начала наполнять чайник для кофе. Он положил голову ей на плечо, и она легонько похлопала его по руке, наполняя чашки.

"Все готово?" спросила она, и он кивнул,

"Гвен собирается домой, и я подумал, что сделаю здесь последнюю уборку, прежде чем отправиться обратно. Думаю, я все собрал, может быть, немного одежды в сушилке".

"Ты хорошо устроил Гвен?" и Питер кивнул, начав добавлять сахар в кофе.

"Да, но у нас была тонна мусора, который нужно было организовать, все коробки и... Что случилось, тетя Мэй?" - спросил он, когда она строго посмотрела на него.

"Питер", - начала тетя Мэй, - "не вешай лапшу на уши". Питер чуть не подавился, а тетя Мэй добавила сахар и молоко в свою чашку и затем кивнула ему на маленький столик для завтрака, чтобы он сел. Он виновато посмотрел на нее, когда она села напротив него, держа кружку между ладонями, и наблюдая, как он избегает ее взгляда.

"У тебя помада на воротнике, а капитан Стейси звонила сюда около десяти раз". Она постучала одним пальцем по столу для завтрака: "И что?".

Питер выпрямил спину и уставился на нее: "Я провел ночь с Гвен, мы переспали, и время забылось", - Питер слегка сжался, ожидая массивной лекции. Но когда ее лицо опустилось и она подняла бровь, он понял, что она не это имела в виду. Она хотела знать, почему не может достучаться до него или Гвен.

Мэй просто пожала плечами: "Пока ты используешь защиту, Питер, мне все равно, с кем ты спишь. Гвен - хорошая девочка, и я горжусь тобой. Ты ведь предохранялся, Питер?" Тон Мэй уже не был таким веселым и озабоченным, как раньше.

"Конечно, тетя Мэй, конечно, я вспомнил, вы дали мне несколько штук, и я их принял, так что... У нас все в порядке?"

Мэй посмотрела на ободок своей чашки: "Конечно, Питер, мы в порядке".

Питер уставился на свою тетю: "Но?"

"Но, я не могу этого делать, Питер, с тех пор, как появился Оскорп. Я не могу сидеть здесь ночь за ночью, надеюсь, - ее голос надломился, - надеюсь, что с тобой не случилось то же самое, потому что ты не отвечаешь на звонки, так что... Я собираюсь отпустить тебя. Питер, у тебя есть бизнес и девушка. Такая старуха, как я, не может вечно сидеть и тосковать, ты же знаешь".

Питер нахмурился: "Тетя Мэй, ты не такая уж старая". Питер похлопал ее по руке, прежде чем обнять.

"Я знаю, и это еще одна причина, по которой я рада, что ты переехал, Питер, я любила твоего дядю Бена, я дала ему все, что могла, но я не старая, - вздохнула она, - видя тебя и Гвен, я

одинока, Питер, и мне нужно..."

"Laid?" рассеянно сказал Питер,

"Питер Паркер!" крикнула тетя Мэй, потрепав его по голове. "Мне нужно выйти из дома".

"Ой-ой-ой, прости, Мэй, прости", - он притворился обиженным и отодвинулся, чтобы сестра обратила,

Она встала, выливая последние капли кофе в раковину: "Я присоединяюсь к нескольким занятиям, и нет, не волнуйтесь, это не те, на которые ходите вы. А пока, молодой человек, выкинь свои мысли из головы". Взъерошив его волосы, Мэй взяла ключи от дома: "В любом случае, мне пора бежать, некоторые из нас не могут прогуливать работу, как ты, люблю тебя, Питер. О, помой посуду перед уходом, она все равно твоя".

Она была права, с уходом Питера квартира опустела, и она почувствовала то, чего не чувствовала с тех пор, как умер Бен, - одиночество. Питер наконец-то вырос, и годы заботы о нем закончились. Это было больно, но ей тоже нужно было двигаться дальше. Найти свое собственное место в мире, но она знала, что всегда будет рядом с ним, когда он будет в ней нуждаться.

Пока она смотрела, как он допивает кофе, она запечатлела этот образ в памяти. Это был последний раз, когда он был здесь своим домом, и, чувствуя боль, она быстро повернулась и ушла, пока он не увидел ее слезы.

"Я тоже люблю тебя, Мэй", - ответил он, когда она ушла, чтобы собрать последние вещи.

Он был основателем, зная, что нанять фургон будет дорого, и все, что осталось собрать, это чистая одежда, все еще в стиральной машине с сушилкой, и он запихнул ее в рюкзак.

Он будет скучать по жизни здесь, скучать по тете Мэй и, когда его пронзила боль, скучать по напоминаниям о дяде Бене. Он двигался дальше, вырос, и это означало, что некоторые вещи придется оставить позади. Он знал, что она чувствует, но дал себе слово, что всегда будет рядом с тетей, если она в нем нуждается.

Вздыхнув, он посмотрел на раковину: рядом с ней стояла кастрюля с запеченным соусом, тарелка с макаронами и несколько мисок с сухими хлопьями, а также чашки, стаканы и другие столовые приборы. Мэй сходила в его комнату и принесла всю недостающую посуду, которую Питер поленился собрать сам, и оставила ее здесь для него. Вздыхнув, он покачал головой и, закатав рукава, наполнил раковину теплой водой и принялся за работу.

В то время как Мэй и Питер уединились и делились друг с другом немного лишним, у Гвен не было такого разговора с отцом.

Джордж Стейси был не в лучшем настроении. За ночь он обзвонил всех, кого мог вспомнить, и не нашел ничего, что позволило бы ему узнать, где Гвен и почему она не отвечает на звонки. Опекун мальчика Мэй Паркер даже предложила ему дать им побыть молодыми, а он лишь молча положил трубку. Он фыркнул. Как будто он позволил бы такому юному сопляку, как Питер Паркер, отнять у него Гвенни. Услышав звук ее ключа в двери, он сел прямо и разгладил галстук. Ему было неприятно брать личный выходной, но он должен был быть здесь, чтобы убедиться, что с Гвен все в порядке, и, конечно, чтобы убедиться, что она поняла, что сделала не так.

Выйдя в коридор, она закатила глаза, увидев отца, и поняла, что ее ждет. Каждый раз, когда с 13 лет она пропускала встречу или встречу с отцом, она получала нотацию. Каждый раз, черт возьми. Но в этот раз все было по-другому, она почувствовала, как в ней вспыхнула уверенность, но ей нужно было немного успокоиться, это была драка, да, но не физическая, она ненавидела своего отца, но не так сильно.

"Гвендолин Стейси. Ты хоть представляешь, как я волновалась? Ты не появлялась вчера вечером, и никто из твоих друзей не мог до тебя дозвониться". Джордж не терял времени даром, Гвен должна была понять, что она не права, и как бы ему ни было больно быть строгим, он должен был убедиться, что она дисциплинирована должным образом.

"Папа, я устала и не хочу ничего слышать, мне 19, а не 9". Гвен прошла мимо него и попыталась подняться по лестнице, чтобы попасть в свою комнату, но он схватил ее за руку. Она была здесь только для того, чтобы взять последние вещи и уйти, предстояла драка, а она была не в настроении.

"О, нет, что вы, юная леди, вы сейчас же объяснитесь, уже почти 10 утра, а я так волновался". Гвен пожала плечами, выдернув руку, что удивило Джорджа: когда Гвен стала такой сильной? подумал он про себя.

"Папа. Я устала. Мы можем поговорить позже, хорошо".

"Гвендолин Энн Стейси. Сейчас ты остановишься и расскажешь мне, что на тебя нашло? Не отвечаешь на звонки, царапины и следы на одежде, как будто ты дралась. Если кто-то это сделал, если этот Паркер что-то сделал".

"Боже, остановись, папа, я в порядке, ничего не случилось, я была на складе с Питом, и у моего телефона не было хорошего сигнала, но все в порядке, все исправлено, просто, просто дай ему отдохнуть, хорошо. Я теперь живу на складе, а не здесь. Ты больше не можешь ожидать, что я буду приходить каждую ночь", - Гвен уже почти дошла до лестницы, когда он крикнул.

"Жить с Паркером, ты знаешь, что он мне не нравится, и эти следы на твоей одежде - это не ты развлекалась, это следы потертостей, что он сделал, Гвен, он тебя обидел? Он трогал тебя?"

С Гвен было достаточно, властное отношение отца никогда не нравилось ей, и после его обвинений она сорвалась. "Да, он сделал это, папа, это то, что ты хочешь услышать, что я провела ночь с Питом и мы трахались? Что он сорвал с меня трусики и изнасиловал меня, потому что это не так, папа, это я изнасиловала его, я была возбуждена и хотела этого, поэтому я взяла его, потертости и следы от того, что я швыряла его вокруг. Ну что, ты доволен? Прошлой ночью я взял Питу, подмял его под себя и трахнул. Он мой парень, папа, нам разрешено делать такие вещи", - Гвен протиснулась мимо отца и захлопнула дверь в свою комнату, чтобы появиться через несколько минут, запихивая вещи в сумку. Ее планы взять несколько непристойностей, к которым она никому не позволила бы прикоснуться, ее нижнее белье и несколько секс-игрушек, которые она тайком купила, были просто схвачены и брошены в сумку. Она была слишком зла, чтобы беспокоиться о том, увидит ли ее отец что-нибудь из этого.

"Я, я не могу больше так делать, папа, я не маленький ребенок, чтобы ты меня наряжал и показывал, как куклу. Мне 19, поэтому я ухожу, не звони, не пиши. Я дам тебе знать, когда ты сможешь приехать в гости. Я люблю тебя, папа, правда люблю, но это, этот дерьмовый допрос, обращение со мной как с заключенной, как с подозреваемой в участке. Я так не могу". Она

взвалила сумку на плечо и хлопнула дверью, собираясь уходить.

Джордж Стейси был ошеломлен молчанием, за все годы Гвен никогда не говорила в ответ и не вела себя так, и когда она вышла через парадную дверь, он сжал кулаки, это был ребенок Паркера, и он заставит Гвен узнать, каким гнилым ублюдком он был. Ему было все равно, что она уже подписала договор аренды и находится здесь только временно, он заставит его заплатить за то, что он так поступил с его маленькой девочкой, и тогда она поймет, что он был прав, а этот паршивец - нет.

Гвен стояла возле дома, ее руки сжались в кулаки, ее трясло от ярости, которую питал к ней Яд. Она глубоко вдохнула. Питер показал ей несколько упражнений, которые, по его словам, помогли ему, но сейчас они не помогали.

Убей его, мы никому не подчиняемся,

Гвен покачала головой, ее глаза зажмурились, нет, мы не убиваем.

Мы ненавидим его,

Гвен нужно было отвлечься, что-то снять напряжение, если бы только Пит был здесь, если бы только. Она вспомнила и побежала.

В четырех кварталах от дома, возле тихой пекарни, Гвен вгрызлась в еще один пакет шоколадного печенья.

Сахар-сахар, ням-ням, - напевала Пойсон, и Гвен наконец почувствовала, что расслабилась.

Она покачала головой, когда печенье номер двенадцать исчезло в кажущейся теперь бесконечной дыре в ее желудке, это было неправильно, это было нехорошо. Ей нужно было выяснить, что такое Яд, как он на нее влияет. Расплатившись за закуски, она поняла, что у нее все еще есть папина кредитная карта, конечно, на крайний случай.

Что ж, подумала она, это ведь чрезвычайная ситуация, не так ли?

<http://tl.rulate.ru/book/4091/114289>